

Борис Минаев

Обнуление метаданных

Плохая память

Я стал забывать слова. Иногда они довольно трудно подбираются в разговоре, что создает некоторые затруднения.

Ничего, с возрастом это бывает. Говорят, главное в борьбе с Альцгеймером — не бросать «умственный труд», то есть читать, писать и, главное, думать. Приятно, когда за это еще и деньги платят, ну и, конечно, искать «свои» таблетки (пока не нашел), не пугаться, не расстраиваться — ну, подумаешь, я смотрю на экран и в упор не помню, как зовут Шерон Стоун. Как это вообще можно забыть? — а с другой стороны, на фиг мне имена этих актеров, я же точно помню, что Толстой — Лев, а Достоевский — Фёдор, этого вполне достаточно... Память — такая вещь, она почти тождественна личности, что-то не помнить — это иногда почти как лекарство, с другой стороны, ты сам — это и есть то, что ты помнишь. Все эти важные моменты я именно что вспомнил на спектакле «Папа» режиссера Евгения Арье по пьесе Флориана Зеллера. Вспомнил — и вот видите, до сих пор не забыл.

...Спектакль начался с минуты молчания в память о недавно умершей Галине Волчек, которая когда-то этот театр создавала, потом она его спасала, когда ушел во МХАТ Олег Ефремов, собирала заново, потом она делала его то классическим, блестящим и шикарным, то есть почти буржуазным, то очень демократичным, она искала новые имена и новые пьесы (Туминас, Коляда, Фокин — все они появились благодаря ей), она ставила театр на ремонт и шумно переезжала, словом, она пережила с театром всё — от рождения до...

До своей смерти. И теперь каждая новая премьера — это двойное событие. Событие для нее и событие без нее. Мы стояли и вспоминали Галину Борисовну в долгой напряженной тишине.

Аудитория нового спектакля «Современника», который называется «Папа», мне кажется, разделилась — одни смеялись и бурно реагировали, другие тяжело молчали. Первые, видимо, никогда не сталкивались (дай им бог здоровья) с ментальными проблемами, никогда не навещали в психоневрологических диспансерах своих близких, не знают, что такое болезнь Альцгеймера и ее симптомы, ну и вообще, не знают. Вторые — знают вполне.

Для первых, ничего *об этом* не знающих, спектакль, несомненно, блестящий, яркий, невероятно увлекательный психологический аттракцион, когда все происходящее на сцене: отношения стареющего больного отца, его дочери и ее мужа — увидено глазами «папы» (его замечательно и очень мягко играет Сергей Гармаш), шаг за шагом теряющего память.

Это одновременно и смешно, и страшно, и увлекательно — если не знать.

Для второй части зрителей — знающих про Альцгеймер слишком многое, все это смотреть очень, очень тяжело, и к тому же сильно раздражает, я думаю, «несовпадение с жизнью», то есть не совсем четкое и не совсем ясное изображение того, что бывает при этой болезни *на самом деле*.

«Папа», главный герой, путает времена и события, путает причины и следствия, погружаясь с каждым шагом во тьму сознания, то есть в его темную зону, причем Гармаш передает эти краски очень тонко. Я уже не в первый раз вижу, как «Современник» касается очень тонких, очень больных тем: в «Загадочном ночном убийстве собаки» Шамиль Хаматов с огромной силой и пластикой передавал внутренний мир мальчика-аутиста, в «Резне» остро и точно разворачивалась картина родительских комплексов, целый цикл спектаклей о старости и проблемах стариков сделал «Современник» лишь за недавние годы, но, наверное, никогда еще игра актера не была настолько мощной в изображении человеческой болезни, человеческой слабости, в изображении ухода человека из жизни, из привычного мира — как игра Сергея Гармаша в «Папе». Непостижимо, как он это делает — и пугаясь и гневаясь одновременно, и прячась и открываясь беззащитно, в каждой сцене, в каждой секунде — да, ради этого стоит смотреть. Только ради одного этого.

Однако — наблюдая за непосредственной реакцией той части зала, которая про Альцгеймер не в курсе, хохочущей в самых неожиданных для меня местах, я думал о том, что вся эта блестящая игра и весь этот аттракцион, в хорошем смысле этого слова, мне почему-то мешают понять подлинный смысл спектакля. А смысл — вовсе не про гуманизм по отношению к старикам.

Смысл в странном вопросе — а зачем помнить? Верней, а что *нужно* помнить? Или еще более точно: а что мы действительно обязаны, должны помнить? Без чего мы — как человечество — не можем обойтись?

«Папа» — это, таким образом, не конкретный старик, чья память играет с ним плохие шутки и ведет его к печальному финалу. «Папа» — это все мы, все человечество.

История — культуры, литературы, да и вообще история — на наших глазах перестает быть живой. Все эти бесконечные «биографии великих людей» в журналах и таблоидах, в «документальных фильмах» и ток-шоу, весь этот миллион книг, свалившихся на голову постсоветского человека, истосковавшегося по запретному плоду, по хорошему чтению — но потонувшего в этом потоке названий, фамилий, эпох, стилей — весь этот «культурный набор», превратившийся в какой-то небольшой сегмент рынка для целевой аудитории, постепенно оседает. Превращается в метаданные, зачем-то, для чего-то записанные на жестком диске нашей коллективной памяти.

Но кому нужны эти метаданные, кто их запрашивает, кроме «спецов», профессионалов, для которых это часть их профессиональной жизни, будут ли они востребованы в том новом времени, которого мы все так нервно ждем?

Или они *уже* не востребованы, уже не нужны?

Гармаш выходит на поклон, зал бурно приветствует его, аплодируя его актерской харизме, актерской силе — такого, знаете, советского розлива, которая захватывает в контекст роли целый мир, а я думаю о том, как жить в этом бурном потоке забывания?

И будут ли помнить мои дети и внуки, что Толстой — Лев, а Достоевский — Фёдор?

«Зарница» и другие странные игры

Как-то летом 1981 года я поехал на Всесоюзный финал военно-патриотической игры «Зарница». Поехал недалеко, в Тулу. Масштабы игры меня потрясли. Тысячи детей со всех концов Союза жили в настоящих военных палатках, ходили строем по плацу, метали деревянные гранаты и, главное, непрерывно читали какие-то стихотворные речевки. Всюду висели плакаты — тоже со стихами. Все это было до такой степени нелепо, что даже мило.

Но вот тогда я и задумался впервые, что в стихах есть нечто военное.

...«Зарница» — вторая часть дилогии, поставленной в Театральном центре имени Мейерхольда (чей художественный руководитель Виктор Рыжаков, к слову, недавно перешел на капитанский мостик «Современника»). Спектакль в уникальном ныне жанре поэтической драмы — то есть герои в нем разговаривают стихами. Привет Грибоедову, Шиллеру, ну и, понятное дело, Шекспиру с Мольером.

Откуда такое чудо?

История, которая началась еще в «Сване», в первой части дилогии, придумана московским поэтом Андреем Родионовым и драматургом Катериной Троепольской и поставлена силами Мастерской Дмитрия Брусникина (режиссер Юрий Квятковский) — своеобразная антиутопия, и центр ее — как раз о мире, который «обнулел» свои метадаанные, свою культурную историю на самом деле.

В новой удивительной стране, то есть России, существует директивная, учрежденная законами этого нового государства — повседневная поэтическая речь.

Все должны разговаривать в рифму, мигранты должны сдавать экзамены на знание классической поэзии, ну и так далее.

Спектакль «Зарница» в этом году представлен на «Золотую маску». Герои спектакля — юные, так сказать, пионеры — отправляются в настоящий лес, где проходят через множество испытаний, и одно из них — устный экзамен, где, например, нужно ответить на вопрос: какие стихи читали перед смертью герои «Молодой гвардии» Фадеева. Ульяна Громова, оказывается, читала своим друзьям стихотворение «Демон». Но это лишь завязка, дальше начинается подлинная фантазмагория, смешение всех жанров: новогодней елки с «духами леса», лешими и бабами-Ягами, подростковый роман, с любовью и перепутанными гендерными ролями, опера и мистическая драма, тут есть все, и все звучит, грохочет, журчит (поскольку все еще вдобавок ищут и не находят волшебную жидкость), кругом пародия и что-то несерьезное и духоподъемное. Зрители смеются, и всем хорошо.

Но там, где-то вначале, остается тяжелый вопросик, заданный авторами как бы между прочим: а не ждет ли нас всех в конце концов вот такая «Зарница», бег в мешках и пионерская линейка с выносом флага?

Советский мир, который облюбован современной культурой как какой-то Ноев ковчег, облизан ею как Китеж-град, великая Атлантида всех смыслов и героических преданий, — сам по себе в этом качестве уже смешон. Смешон и страшен. Мифология, ежедневно залепляющая обществу глаза, впрыскивающая в него какие-то вредоносные ампулы, — куда от нее деваться? Этот вопрос мы задаем себе каждый день.

Но, похоже, уже не деться никуда — и наши дети не просто будут ходить на уроках военной подготовки с муляжами автомата Калашникова под портретами современных вождей и петь воинственные песни. Похоже, их и стихам, и сказкам будут учить по-советски. Вся надежда на то, что «метадаанные» обнулятся и все превратится в пародию.